

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

АНТОН
ЛЕОНТЬЕВ

ОТЕЛЬ
СОКРОВЕННЫХ
ЖЕЛАНИЙ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «Дом на Барочной» (2016 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 ОТЕЛЬ СОКРОВЕННЫХ ЖЕЛАНИЙ / Антон Валерьевич Леонтьев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-097877-9

Этот отель давно стал легендой. Многие повидали его стены, а особенно номер 184 — именно в нем больше ста лет назад обнаружили мертвое тело первого владельца отеля, Харитона Прасагова. С тех пор трагические события происходили в этом номере с печальной регулярностью: в 1912 году там убили знаменитую оперную певицу, в 1940-м — любовницу известного писателя и, наконец, в 1977-м — дочку высокопоставленного чиновника... В наши дни отель стоял в запустении, пока его не приобрел олигарх Михаил Прасагов, правнук Харитона. Он был одержим идеей вернуть отелю былую славу и величие, но его планы спутало новое убийство, случившееся в том самом проклятом номере...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097877-9

Когда-то это был хороший отель,
но ведь и я когда-то был хорошим
мальчиком.

Марк Твен

Даже вблизи, несмотря на все очевидные признаки упадка и разрушения, отель производил небывалое впечатление.

Являясь детищем некогда известного, а теперь на-прочь забытого архитектора, чрезвычайно эксцентричного типа, но, безусловно, гения, он сочетал несочетаемые, казалось бы, стили и явно вобрал в себя некоторые, чудным образом видоизмененные, черты Воронцовского и Массандровского дворцов.

Чувствовалось в грандиозном здании и несомненное влияние модерна — все же выстроен особняк был в 1910—1911 годах, — и чего-то псевдорусского, и староитальянского, и древнеанглийского. А вот напоминавшая отчасти вычурные минареты боковая башенка была безусловным влиянием архитектуры Османской империи.

Кто бы мог подумать, что особняк *все еще существовал!* И до позднеперестроечного времени являлся гостиницей, вернее даже, отелем экстра-класса, во всяком случае, по тем временам.

«ОТЕЛЬ «ПЕТРОПОЛІСЬ» — можно было прочесть на обветшавшем фасаде. Латунные (а некогда, еще до революции, и позолоченные) буквы давно исчезли — то ли отвалились, то ли стали жертвой предприимчивых собирателей цветных металлов. Однако контуры букв, впечатавшихся в стену, все еще виднелись сквозь толщу шу-

катурки и временных эпох. А теперь, после того, как над фасадом изрядно потрудились матушка-природа, можно было даже разглядеть просвечивавший сквозь несколько слоев краски дореформенный «ять», которым некогда завершалось гордое название сей гостиницы.

Ярослав вдруг осознал, что непозволительно долго задержался на импровизированной стоянке, под старым каштаном, наверняка ровесником отеля. Взглянув на наручные часы, он понял, что, несмотря на то что выехал из офиса с солидным запасом времени, все же опаздывать на первую встречу с клиентом, *да еще таким*, на новом объекте было бы верхом глупости, он чересчур много времени потратил на созерцание этого шедевра архитектуры.

Безусловно, необычно; вне всяких сомнений, уникально; конечно же, крайне интересно. *Но помимо этого...*

Его взгляд снова упал на циферблат наручных часов. Опаздывать было не в его стиле, но, судя по тому, что, кроме его автомобиля, никаких иных припаркованных рядом не наблюдалось, опаздывал не он, а клиент.

Очень важный клиент. И очень *богатый*. Новый владелец отеля «Петрополис».

Но помимо этого... Ярослав снова всмотрелся в темные, местами выбитые окна диковинного здания. Кто тут только не останавливался! Здание вроде бы не такое уж и большое, но впечатление это ложное. Конечно, «Петрополис» нельзя сравнить по размеру и численности номеров с гранд-отелем «Европа» или «Англетером», однако он был ровней, и не исключено, что превосходил своей историей.

История, причем *особая*, была у каждого отеля. И удивить именами и исторической значимостью тех, кто некогда являлся постояльцем отеля здесь, в Петербурге, было сложно. Да, следовало признать, что «Петрополис» все же находился в тени гораздо более знаменитых «со-

братьев». А с учетом того, что последнюю четверть века, вернее, даже больше (отель закрылся на трехгодичную генеральную реставрацию в далеком 1989-м, ибо «Петрополису», согласно градостроительным планам, надлежало открыться к семьдесят пятой годовщине Октября, приходящейся на ноябрь 1992 года, — кто же ведал тогда, в 89-м, что в 92-м мало кого будет заботить сия торжественная дата, что советская империя развалится и что название города — Ленинград — изменится на прежнее, имперское), он стоял пустым, многие были уверены, что в «лихие девяностые» или «тучные нулевые» здание сменило владельца, изменило профиль и вообще *исчезло с лица земли*.

Но отель «Петрополис», запрятанный на Каменном острове, продолжал жить — *своей жизнью*.

Он в самом деле сменил владельца, причем даже не одного, а целую вереницу. Сначала невесть каким образом, то ли по чьему-то упорному хотению, то ли по щучьему (или какого иного зверя?) велению, особняк, числившийся на балансе департамента культуры города, вдруг оказался объектом на странном залоговом аукционе — и легким движением чьей-то сановной руки (и подписавшей соответствующее распоряжение о снятии с баланса ручки) из государственной перешел в частную собственность. Причем тот, кто был, по слухам, причастен к той строительной «загогулине», очень скоро оказался не у дел, а потом пропал: то ли бежал за границу с награбленными миллионами, то ли оказался на дне Финского залива с ногами в тазике с цементом. Вероятность обоих вариантов развития событий была примерно одинаковая, и, что удивительно (но об этом, конечно, не знал никто, кроме заказчиков и непосредственных исполнителей), один сценарий — бегство с чужими миллионами за границу — через некоторое время сменился другим — Финский залив.

Отель едва не перестал быть отелем: один из владельцев хотел превратить его в самое роскошное казино Северной Пальмиры, но не успел, ибо был застрелен. Новый владелец возжелал сделать из «Петрополиса» самый крутой бордель России, но тоже не успел, потому что скончался от быстротечной, согласно злым языкам, вызванной высокотехнологичным токсином из секретных лабораторий спецслужб, непонятной болезни.

Кто-то еще носился с идеей переоборудовать здание в собственную помпезную городскую резиденцию, но оказался сначала в бегах за границей, а потом в петерском СИЗО, который тоже покинул ногами вперед. Наконец, один из последних владельцев, точнее, владелица, единственная дама в нескончаемой веренице хозяев, *на редкость крутая бизнес-леди*, которая являлась официальной хозяйкой «Петрополиса», в телевизионном интервью заявила, что особняк является уродливым наростом на теле города, не представляет никакой исторической и архитектурной ценности и что она добьется разрешения на полный снос и строительство на его месте элитного небоскреба — первого такого рода в центре Петербурга. Шансы на осуществление этого проекта были высоки, потому что дама обладала в силу семейных обстоятельств *крайне весомыми* связями в Москве.

Но и этому проекту, который мог бы поставить жирный крест на существовании «Петрополиса», не суждено было сбыться, потому что чуть ли не на той же неделе, когда бизнес-леди сделала сие историческое заявление, она легла на очередную подтяжку лица, вроде бы пустяковую операцию, но под общим наркозом, погрузившись в который она никогда более не проснулась, во всяком случае, там же, где и засыпала.

Тогда-то и вошла в оборот с легкой руки какого-то писаки легенда об *отеле-убийце*. О гостинице «Петропо-

лис», которая неведомым образом уничтожает любого и каждого, кто желает причинить ей вред.

Ярослав в третий раз взглянул на часы и подумал, что клиент имеет право на опоздание, а вот он, подрядчик, нет.

Отель «Петрополис» мелькал то тут, то там на специфических сайтах, посвященных неведомым явлениям и мистическим материям. Его сравнивали с отелем «Оверлук» из «Сияния» Стивена Кинга — местом, в котором обитали призраки, причем призраки *далеко не добрые*, обладавшие способностью переходить из эфемерного мира в мир людей — и обратно.

И, не исключено, *забирать с собой того или иного постояльца.*

Череду смертей владельцев можно было объяснить странным, но не редким совпадением: в конце концов, в мире большого бизнеса и шальных денег *происходит и не такое.*

Но как же быть тогда с событиями, имевшими место на протяжении без малого семидесяти с лишним лет, пока «Петрополис» являлся отелем и принимал гостей? Уже в самом начале, сразу же после открытия, в «Петрополисе» произошли ужасные и до конца так и не проясненные события. И, что занятнее всего, такие события — в том числе и жуткие смерти постояльцев, а также вещи похлеще и кровавее — имели место и потом. Нечасто, однако *с завидной регулярностью.* О подобном в советской прессе никто не сообщал, газета «Известия» не выносила очередной загадочный случай в ленинградском «Петрополисе» на первую полосу (на последнюю, впрочем, тоже), да и программа «Время» обходила вниманием ЧП локального масштаба.

Но слухи — *слухи ползли по городу*, причем в любое время: и во времена сталинских чисток, и хрущевских переделок, и брежневского застоя. Слухи обрастали еще

более жуткими и невероятными деталями, уж совершенно нереалистичными подробностями и кошмарными свидетельствами очевидцев (коих, если б кто-нибудь поставил перед собой задачу сосчитать хотя бы примерное количество, было никак не меньше нескольких сотен, а то и *пары-тройки тысяч*).

А во времена гласности об этой жути заговорили открыто. Первый репортаж произвел сенсацию и вышел в одном из выпусков «Шестисот секунд», а потом пошло-поехало: эзотерические программы на телевидении, заметки с кроваво-гологрудыми коллажами в желтой прессе, ledenящие душу истории очередного «очевидца» на мрачных интернет-форумах — и снова *слухи, слухи, слухи...*

Ярослав считал, что большая часть этих «страшилок» была частью чьей-то буйной, а зачастую бессовестной (скорее всего больной) фантазии. Но другая часть — малая, не такая беллетристическая, но все равно жуткая и, что важнее всего, рационально не объяснимая, отражала в целом и общем *реальные события*.

Он знал это, потому что и сам проявлял интерес к истории «Петрополиса» — с учетом того, что их архитектурному бюро выпал уникальный шанс заняться реконструкцией здания, это было *более чем уместно...*

Клиент явно запаздывал, Ярослав вышел из автомобиля, желая размять ноги и рассмотреть здание вблизи. Он миновал усыпанный прошлогодней черной листвой двор и приблизился к величественной лестнице, поднялся по ней — в этот момент массивная дверь гостиницы *вдруг медленно распахнулась*. Ярославу, ни в какую чертовщину не верившему, вдруг стало жутко, как бывает иногда ребенку жутко без причины, только от отдаленного шороха ночью в коридоре или невесть чем вызванного шебуршания в кладовке.

Он почувствовал, как дыхание у него сперло, а волосы зашевелились на голове, причем *не в переносном зна-*

чений. Однако длилось это даже не секунду, а какие-то считанные ее доли, потому что Ярослав лицебезрел не прозрачного желеобразного призрака или исчезнувшего лет сто назад постояльца, облаченного по тогдашней моде, вдруг вынырнувшего из глубин пространственно-временного континуума, а умопомрачительную особу, явно являющуюся продуктом второго десятилетия века двадцать первого.

Особа была высокая, длинноногая, в деловом костюме, больше открывавшем, нежели скрывавшем, обладала типично модельной внешностью и такими же параметрами, гладкими, спадавшими на плечи платиновыми волосами, кукольным личиком, алебастровой, явно от переизбытка дорогой косметики, кожей, по-вампикиски алым ртом и гигантскими изумрудно-зелеными глазами за стеклами больших эффектных очков в затейливой оправе.

Это была стандартная представительница высшего уровня офисного планктона: явно не хозяйка жизни, но ее любимая горничная.

— Ярослав Станиславович? — произнесла она грудным, словно натренированным голосом, выговорив его имя и отчество, достаточно редкие в такой комбинации и фонетически небеспроблемные, без малейшей запинки. — Вы опоздали!

Проходя в холл «Петрополиса», Ярослав мысленно чертыхнулся. Хотел приехать заблаговременно и, что важнее, приехал — *но в итоге все равно опоздал!* А клиент, оказывается, прибыл еще раньше его самого и все время находился в особняке, не исключено, наблюдая за нерадивым архитектором, отчего-то застрявшим в своем авто и предавшимся праздным размышлениям.

Объяснять и оправдываться не имело смысла, поэтому Ярослав сухо извинился и заметил:

— Звучит странно, но я пытался уловить ауру этого места. И этого особняка... Поэтому и засиделся в салоне...

Выходило, что все равно объяснял и оправдывался, хотя именно этого и не намеревался делать, да еще перед кем — перед размалеванной особой, словно сошедшей с обложки гламурного журнала. Судя по широко распахнутым глазам этой девицы и полному отсутствию понимания на ее идеальном личике, она считала причину, по которой Ярослав пришел не вовремя, *действительно странной*.

— Отчего же, Ярослав Станиславович, ничуть не странно! — прозвучал тихий мужской голос, и Ярослав, обернувшись на говорившего, увидел коренастую фигуру в дорогом плаще с пестрым шарфом вокруг горла.

Это и был клиент — Михаил Георгиевич Прасагов, столичный олигарх средней руки, который решил распространить свое влияние и на Питер.

Прасагов — мужчина лет пятидесяти с хвостиком, с жестким волевым лицом, крошечной седеющей бородкой и глубоко посаженными, умными карими глазами — протянул Ярославу ладонь, и тот ощутил его крепкое рукопожатие.

— Красин, Ярослав Станиславович, — произнес он, хотя и Прасагов, и его пока что безымянная спутница, были в курсе, как его зовут.

— Это Алина Жирмунская, на которой держится мой питерский офис, — произнес олигарх, кивая в сторону расфуфыренной особы.

И на такой может *держаться* офис? Ярослав подумал, что эти изящные ручки с длиннющими бордовыми ногтями, не исключено, могут стучать по компьютерной клавиатуре и размешивать ложечкой кофе в подаваемой шефу чашке, не более. Однако он не исключал, что у Алины были качества *иного свойства*, о которых не ведал никто, за исключением самого олигарха, за кои он и ценил свою офисную помощницу.

Ярослав пробормотал, что ему «очень приятно», однако сразу понял, что тон задает один-единственный человек: сам Прасагов.

— Да, аура этого места, — повторил олигарх и развернулся, — вы только посмотрите на это великолепие! Да, все заброшено, да, пришло в упадок, да, разрушается и рассыпается. Но он живет! Дышит! Страдает!

Прасагов обвел короткопалой рукой, увенчанной затейливым, явно старинным, перстнем-печаткой, небольшой, но производящий впечатление холл.

Ярославу пришли на ум знаменитые, полные элегичного волшебства кадры из «Титаника», где заполненные водой, обросшие кораллами и водорослями, полные спящих рыб каюты, салоны и палубы океанского лайнера вдруг пробуждаются к жизни, заполняются светом, тут и там раздается смех, музыка, звон столовых приборов — и прошлое, казалось бы, навсегда канувшее в Лету, вдруг стремительно врывается в настоящее, напроць вытесняя его.

Так и здесь: если присмотреться, то можно представить, какое впечатление производил холл «Петрополиса», украшенный в давние времена мозаичным панно по эскизам Врубеля. А колонны, некогда облицованные лазуритом, малахитом и розовым мрамором... Облицовка давно исчезла, но это ничего не меняло... Наконец, огромный крюк под потолком, на котором когда-то висела уникальная, муранского стекла, люстра. Люстры тоже не было, кажется, теперь она украшала особняк какого-то нувориса, *но стоило только закрыть глаза...*

И все же Ярослав опасался погружаться в грезы в присутствии клиента. Поэтому быстро перевел взгляд на Прасагова и заметил, что тот, словно вдыхая прошлое, стоит, раскинув руки, посреди заваленного битым кирпичом и мусором холла. *И закрыв при этом глаза.*

— Кто он? — раздался голос Алины, и олигарх, словно выйдя из транса, мотнул головой и произнес:

— Что?

Судя по всему, банальный вопрос помощницы вырвал его из мечтаний. Жирмунская, поправив очки, протянула:

— Кто он, Михаил Георгиевич? Вы говорили о нем...
Что он дышит и страдает...

Раздалось монотонное гудение. Алина, извинившись, извлекла плоский, ультрановый, безумно дорогой смартфон.

— Опять по сделке с финнами звонок, — вздохнула она, посмотрев на экран. — Я отвечу, иначе проблем не оберешься?

Прасагов махнул рукой и, дождавшись, пока помощница ретируется в одно из смежных помещений, сказал:

— Вот вы бы не задали такой вопрос. О том, кого я имел в виду. Алина человек неплохой, очень деятельный, умеет в феноменально короткие сроки разрулить любую ситуацию, но без капли воображения. Но, собственно, ей за это и платят, чтобы она была такой. Точнее, я за это плачу!

Ярослав усмехнулся и сказал:

— Увы, не могу гарантировать вам, что порадую вас отсутствием воображения. Впрочем, если это критерий...

Прасагов внимательно посмотрел на него и ответил:

— Вы — другое дело. Вам как раз и платят за то, чтобы у вас *было* воображение. Вы ведь удивились, когда узнали, что мой выбор пал именно на ваше архитектурское бюро?

Понимая, что говорить неправду не имеет смысла, Красин сказал:

— Да. Потому что команда у нас небольшая, само бюро относительно новое. Мы строим далеко не мейнстрим, а беремся за спецпроекты...

Олигарх кратко произнес:

— Пройдемся!

Они миновали холл, подошли к изящной, словно невесомой лестнице, изгибавшейся под немыслимым углом и плавно уводившей вверх. Она напоминала творения одного из забытых художников тридцатых годов, любившего рисовать лестницы, которые уходят вниз и внезапно выныривают вверх.

Ярослав вслед за заказчиком медленно поднялся по лестнице, вернее, по ее остову, на второй этаж. Там, стоя на месте исчезнувших перил, созданных некогда под явным влиянием творений Гауди, Прасагов устремил руку вперед и произнес, указывая на раскинувшийся перед ними холл «Петрополиса»:

— Он живет, дышит и страдает! Он — «Петрополис». *Мой «Петрополис»!* И мне не нужна очередная «стройка века» с позолотой, евроремонтом и мраморным полом с подогревом. «Петрополис» — это целая Вселенная. Он так и задумывался, и все время был таковым! *И снова станет!* Для этого вы мне и нужны! Вы и ваша команда. Да, он страдает. И мы вместе избавим его от страданий! Он воспрянет к жизни! Он...

Речь Прасагова была похожа на монолог жреца или шамана и оказалась прервана тем, что олигарх слишком близко подошел к краю и из-под его дорогущих ботинок полетел щебень на пол первого этажа.

Михаил Георгиевич покачнулся, и Ярослав, мгновенно отреагировав, бросился к нему и потянул к стене.

Часть покрытия, на котором секунду назад стоял Прасагов, с уханьем просела и обвалилась, производя ужасный грохот и воздымая клубы пыли.

В холл выбежала с прижатым к уху смартфоном Алина.

— Все в порядке! — крикнул Прасагов, однако голос его, как отметил Ярослав, слегка дрожал. — Все в полном порядке.

Жирмунская, видимо, зная норы шефа, не стала задавать вопросов и, быстро кивнув, удалилась в одну из комнат продолжать телефонный разговор.